

О ЯРИЛЪ,

ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОЖЕСТВѢ

РУССКИХЪ СЛАВЯНЪ.

~~~~~  
П. Ефименко.  
~~~~~


92.21-14808

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Майкова, въ домѣ Министерства Финансовъ, на Дворц. площ.

1868.

О ЯРИЛѢ, ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОЖЕСТВѢ РУССКИХЪ СЛАВЯНЪ.

Значеніе корня *яр*. — Ярило, какъ божество возрождающагося солнца, похоти, плодородія и силы. — Его зооморфическое и антропоморфическое представленіе. — Ярилены празднества у русскихъ Славянъ, и параллельныя имъ явленія другихъ языческихъ религій. — Перенесеніе вѣрованій въ Ярило на св. Георгія. — Повѣрья и легенды о немъ. — Празднованіе Георгіева дня у Славянъ русскихъ и другихъ. — Общіе выводы.

Названіе языческаго божества Ярило сохранилось до нашихъ дней въ преданіяхъ Бѣлоруссовъ, Великоруссовъ и Малоруссовъ. Можно думать, что нашему Ярилѣ соотвѣтствовало у Гаволянъ божество Яровить. Слѣдовательно, названіе нашего божества не новѣйшее, не вымышленное или измѣненное въ христіанскую эпоху, но принадлежащее временамъ отдаленнаго язычества.

Слово Ярило или Ёрило состоитъ изъ корня *яр* и окончанія *ило*. Корень *яр* соотвѣтствуетъ санскритскому *ar*, которому, въ свою очередь, соотвѣтствуетъ греческое *ἄρ*¹⁾. *Ar*, въ санскритѣ, выражаетъ дѣйствіе возвышенія, движенія въ верхъ. Окончаніе *ило*, заключающее въ себѣ суффиксъ прошедшаго причастія дѣйствительнаго залога, принадлежитъ многимъ существительнымъ и въ томъ числѣ, даже названіямъ нѣкоторыхъ божествъ, напримѣръ, бѣлорусскому Вазилу и, съ измѣненіемъ *ило* на *ало*, великорусскому

¹⁾ Макса Мюллера «Сравнит. Миеологія» въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности», Н. Тихонравова, т. V, отд. I, стр. 113—114.

Купалу. Въ санскритѣ, въ названіи божества, нашему *ило* будетъ, кажется, соотвѣтственно окончаніе *vān*, которое, въ свою очередь, приравнивается къ греческому *πρῶτος* ¹⁾. Слѣдовательно, въ цѣломъ славянское слово Ярило будетъ, вѣроятно, то же, что санскритское *Агван* и греческое *Ἐρως*. *Agvan* въ позднѣйшемъ санскритѣ значить только *конь*, но въ Ведахъ оно болѣе сохранило своего кореннаго смысла и употребляется въ значеніи: *быстрый, стремительный, бѣгуцій*. Многократно это названіе прилагается въ Ведахъ къ солнцу и употребляется вмѣсто названія *солнца*; иногда оно употребляется въ смыслѣ *коня* или *всадника*. Всадникъ этотъ есть *восходящее солнце*. Существуетъ цѣлый гимнъ, обращенный къ солнцу, какъ коню. Въ Ведахъ *мяоъ*, такъ сказать, возвращается вспять, къ своему собственному началу, и одинъ изъ поэтовъ прославляетъ свѣтлыхъ *Васу*, потому что «они солнце сдѣлали конемъ». Такимъ образомъ, слово *agvan* сдѣлалось однимъ изъ названій солнца. Въ одномъ мѣстѣ Риг-Веды поэтъ обращается къ солнцу: «Ты, о, Арванъ (конь), ты, еси Адитья (солнце)»; въ другомъ мѣстѣ подъ тѣмъ же самымъ названіемъ призывается Агни или солнце ²⁾.

Подобно санскритскому корню *ar*, славянскій корень *яр* также сохранилъ значеніе *стремительности, быстроты, пылкости, силы, свѣта, веселья* или *восходящаго солнца*. Какъ санскритское «ара» значить *быстрый, проворный*, «арамъ» — *быстро, скоро*, такъ и великорусское областное слово «ярый» значить *скорый*. Такъ какъ одно изъ свойствъ свѣта есть быстрота его распространенія, то въ корнѣ *яр* совмѣщаются значеніе *быстроты* и значеніе *свѣта*. Санскритское «аруна» означаетъ *темнокрасный* или *коричневый цвѣтъ солнца*, а санскритское «арка» (яркій) — *солнце*. Русское «яркій» (сравн. польское «*jarzący*») значить *свѣтлый*. Весенній и утренній солнечный свѣтъ возбуждаетъ во всей природѣ силу возрождающую и оплодотворяющую; поэтому корень *яр* употребляется въ значеніи *плодотворной силы веселья и утренняго солнечнаго свѣта*. Что именно подъ корнемъ *яр* надобно понимать

¹⁾ М. Мюллера «Сравн. Мн.» въ «Дѣтол.» Н. Тихонравова, т. V, отд. I, стр. 113—114.

²⁾ Тамъ же, стр. 114.

свѣтъ весенняго или восходящаго солнца, видно изъ названій *весны*: мало-русскаго «ярь» и чешскаго «garо». Отсюда названіе хлѣба, сѣмага весной: малорусское «ярына», великорусское «яръца», чешское «gar», словенское «garice», польское «jarzyna», и прилагательныя: «яровой», «jary» («zboze jare»), «ярый» (м. русск. «яра рута»), такъ же «ярець», малорусское названіе мѣсяца мая, нѣмецкое «Jahr» въ смыслѣ года (какъ наше «лѣто» въ смыслѣ годоваго періода времени). Весна и утро — время появленія свѣта и теплоты солнца, возбуждающихъ похоть въ человѣкѣхъ и животныхъ и стремленіе къ оплодотворенію въ растеніяхъ. Отсюда новое значеніе корня *яр*, — *животная похоть, плотская любовь и оплодотворяющая сила*: ярунь — тотъ, кто *ярится*, или тотъ, кто *яритъ*, т. е. механически возбуждаетъ похоть, *ярится* — имѣть похоть. Кромѣ похоти, весенній свѣтъ возбуждаетъ силу, мужество; поэтому корень *яр* у насъ, какъ и въ санскритѣ, означаетъ *силу* и *мужество*, «ярый» — *сильный* и *мужественный*, чешское «jarost» — *свѣжесть, юношеская сила*. Отъ этого послѣ дняго значенія корень *яр* переходитъ къ значенію *иньва, ярости*, такъ какъ у младшепствующихъ народовъ гнѣвъ проявляется въ физической силѣ.

Судя по вышензложенному словопроизводству, слово Ярило будетъ означать *быстро распространяющійся весенній или утренній солнечный свѣтъ, возбуждающій растительную силу въ травахъ и деревьяхъ и плотскую любовь въ людяхъ и животныхъ*, потомъ — *юношескую свѣжесть, силу и храбрость въ челоуѣкѣхъ*. Отсюда слѣдуетъ, что Ярило, какъ божество, долженъ быть *богомъ восходящаго или весенняго солнца, богомъ похоти и любви, богомъ произрастителемъ и покровителемъ животныхъ, производителемъ растеній, богомъ силы и храбрости*. Въ такомъ смыслѣ наше Ярило тождественъ съ Яровитомъ Гаволянъ, который считался между прочимъ богомъ скотоводства и подателемъ плодородія полямъ. Онъ покрывалъ травю поля и листьями лѣса, оплодотворялъ нивы и деревья ¹⁾.

Мы знаемъ изъ Риг-веды, что первоначальной, зооморфической формой утренняго или весенняго солнца были *кнь* и *конская ю-*

¹⁾ Срезневскаго, «О язык. богослуж. у древнихъ Слав.», стр. 10—11; Макушевца, «О бытѣ и правахъ Слав.», стр. 88.

ловъ ¹⁾, какъ символы быстроты, съ которой распространяется свѣтъ. Конская голова есть символъ солнца, начинающаго появляться надъ горизонтомъ или, по понятію язычниковъ, солнца, рождающагося на свѣтъ, потому что, при рожденіи, жеребенокъ прежде всего выставляетъ на свѣтъ свою голову. Такимъ образомъ и нарождающагося солнцу спачала выставляетъ на свѣтъ свою конскую голову.

Представленіе солнца въ видѣ коня обще многимъ народамъ; такъ у Персовъ оно представлялось въ образѣ бѣлаго быстробѣгушаго коня, у Скандинавовъ—въ видѣ свѣтлогриваго коня, приносящаго свѣтозарный день человѣческому роду. Въ нѣмецкихъ и славянскихъ сказкахъ упоминается «бѣлый солнцевъ конь», производящій день всюду, гдѣ онъ только появится. Сюда же относятся нашъ «сивка бурка, вѣщій каурка», который пугается огнемъ и жаромъ, и чудесный конь съ золотой или серебряной шерстью ²⁾. Въ малорусскихъ сказкахъ конская голова признается за живое существо; она живетъ въ лѣсной избушкѣ, построенной на куриной ножкѣ, и приносить счастье и красоту тѣмъ, кто исполняетъ ея желанія и услуживаетъ ей; для этого она приказываетъ влѣзть къ ней въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзть ³⁾.

Представленіе солнца въ видѣ коня или конской головы образовалось, конечно, прежде другихъ представлений, въ эпоху пастушества. При началѣ земледѣльческой эпохи, когда сталъ образовываться антропоморфизмъ, народная фантазія соединила прежній зооморфическій образъ съ новымъ антропоморфическимъ, и такимъ образомъ явилось представленіе молодаго красиваго человѣка, сидящаго на конѣ. Представленіе солнца въ образѣ красиваго юноши, разбѣжающаго на бѣломъ конѣ, существуетъ также во многихъ мифологіяхъ; таковы у Индусовъ Вишну въ аватарѣ Колки, Аполлонъ у Римлянъ, Мпера у Персовъ. Въ нѣмецкихъ, славянскихъ и русскихъ сказкахъ постоянно является всадникъ-богатырь, на чудеспомѣ конѣ. Въ одной русской сказкѣ прямо объяснено, что всадники

¹⁾ См. М. Мюллера, «Сравнит. миф.» въ «Лѣтоп.» Тихомирова, в. V, стр. 76.

²⁾ Буслаева, «Историч. Очерки», т. I, стр. 329.

³⁾ Афанасьева, «Народн. русск. сказки», вып. I, стр. 85—86, вып. IV, стр. 121.

являющіеся на бѣломъ и рыжемъ конѣ,—день и солнце ¹⁾). Нашъ Ярило, если онъ точно есть богъ солнечнаго свѣта, долженъ представляться также въ видѣ всадника на бѣломъ конѣ. И дѣйствительно, Бѣлоруссы до сихъ поръ воображаютъ его молодымъ, красивымъ человѣкомъ, развѣзжающимъ на бѣломъ конѣ ²⁾). По преданію Веллкоруссовъ, общему со многими другими народами, солнце представляется также въ видѣ женщины ³⁾). Въ женскомъ образѣ представляется и Ярило, что доказывается тѣмъ, что Бѣлоруссы, въ праздникъ Ярила, представителемъ его выбираютъ не парня, а молодую, красивую дѣвушку, которую наряжаютъ такъ, какъ воображаютъ себѣ Ярила, и сажаютъ ее на бѣлаго коня ⁴⁾).

Извѣстный мнѣ, будто солнце, нарождаясь ежедневно и ежегодно, восходитъ по утру и весной прелестнымъ младенцемъ, умираетъ въ полдень и лѣтомъ, а къ вечеру и зимѣ погружается въ море дряхлымъ старикомъ, служилъ причиною того, что солнце въ одно и тоже время олицетворялось въ различныхъ образахъ—младенца, юноши и старика. Нарождающееся солнце изображалось младенцемъ, сидящимъ на рукахъ своей матери (земли). Такъ у Индусовъ младенецъ-солнце возсѣдаетъ на рукахъ Лакшми; у Египтянъ солнце сидитъ на рукахъ Изиды, у Фригійцевъ и у Римлянъ оно изображается съ матерью Цибелюю; у Славянъ солнце-младенецъ сидѣло на головѣ Живы или Сивы, у Флпновъ на рукахъ Золотой Бабы и т. д. ⁵⁾). Солнце, закатывающееся на западѣ, или солнце осеннее у насъ имѣло также видъ старика: «дѣдушка золотая головушка, серебряная бородушка» играетъ въ русскихъ сказкахъ непоследнюю роль ⁶⁾). На похоронахъ Ярила, умирающаго весняго солнца, представителемъ его въ обрядахъ избирается обыкновенно старецъ ⁷⁾).

¹⁾ Аонапасьева, «Сказки», вып. IV, стр. 135—175.

²⁾ «Прибавленія къ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.», 1846 г., кн. I, Древлянскаго, «Бѣлорусскія преданія», стр. 20.

³⁾ Напр. въ «Сказаніяхъ Сахарова», т. II, кн. 7-я, стр. 69.

⁴⁾ «Прибавл. къ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1846 г., кн. I, стр. 21.

⁵⁾ Н. Костомарова, «Слп. мнѳологія», стр. 30—33.

⁶⁾ «Филолог. записки» 1864 г. кн. I, стр. 15.

⁷⁾ Сахарова, «Сказанія», т. II, кн. 7, стр. 91.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Ярило, какъ богъ весенняго или утренняго солнца, представлялся главнымъ образомъ въ видѣ юноши; но нельзя отвергать и того, что онъ изображался и въ видѣ младенца при началѣ весны, и въ видѣ старика при концѣ весны.

Тенерь оставимся на мѣстныхъ представленіяхъ Ярила у русскихъ Славянъ и на различныхъ обрядахъ въ честь его.

У Вѣлоруссовъ, какъ упомянуто выше, Ярило является молодымъ красивымъ юношей, развѣзжающимъ на бѣломъ конѣ. Онъ всегда покрытъ бѣлымъ плащемъ, на головѣ имѣетъ вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цвѣтовъ; въ правой рукѣ у него человѣческая голова, а въ лѣвой горсть ржаныхъ колосьевъ; ноги у него босыи. Въ честь его празднуютъ время первыхъ деревенскихъ посѣвовъ, 27-го (не 23-ли?) апрѣля: подъ вечеръ, въ сумерки, толпа дѣвицъ собирается въ какой нибудь домъ, избираетъ изъ своей среды дѣвицу, которую называютъ Яриломъ, одѣваетъ ее такъ, какъ воображаетъ себѣ Ярила, и сажаетъ на бѣлаго коня, нарочно привязаннаго къ столбу. Дѣвушки составляютъ хороводъ, извиваются длинною вереницею во кругъ Ярила и пляшутъ; каждая изъ нихъ обязана имѣть на головѣ вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Во время теплой и благорастворенной весны этотъ обрядъ совершается съ разсвѣтомъ, на открытомъ полѣ или даже на пивахъ. При этой забавѣ присутствуютъ и старики. Во время пляски дѣвушки поютъ очень длинную пѣсню, въ которой описываются благотворныя дѣйствія этого бога, будто бы онъ ходитъ по всему свѣту, расгнѣ рожь на пивахъ и приноситъ чадородіе людямъ:

А гдѣ жъ жѣтъ нагѣю,

Тамъ жито каибѣю;

А гдѣ жъ жѣтъ ип зярнѣ,

Тамъ коласть зацвѣнцѣ ¹⁾.

¹⁾ «Прибавл. къ Ж. М. Н. Пр.» 1816 г., кн. I, стр. 21. Нѣчто подобное встрѣчается въ иныхъ малорусскихъ пѣсняхъ, которыя поются въ Новый годъ, но въ нихъ вмѣсто Ярила представляются св. Василій или св. Илья, которые будто бы ходятъ по полямъ и, помахивая пастью, сдѣланною изъ ржи («жытыя пуга»), возрождаютъ хлѣба. Къ нимъ обращаются съ мольбой: «Роди (зарождай), *боже*, рожь, пшепцу, дѣтей и жеребенковъ». Ири сѣлвиі хлѣба въ Черниговской губерніи манутъ «жытыною вугою».

Въ Великороссіи празднованіе Ярила представляетъ нѣкоторыя различія по мѣстностямъ. Въ Костромѣ отиравляли похороны Ярила во Всесвятское заговѣнье. Старикъ, одѣтый въ изодранное платье несъ во гробѣ куклу Ярила, въ видѣ мужчины, со всеми естественными его частями. Пьяныя женщины провожали ее съ рыданіями и потомъ зарывали въ землю. Въ Галичѣ и Кинешмѣ, Костромской губерніи, представителемъ Ярила выбирали старика, унаивали его и забавлялись надъ нимъ. Каждая дѣвушка отвѣщивала поясной поклонъ старику и потомъ вступала въ хороводный кругъ, составлявшій главную ихъ забаву въ это время. Въ Рязанской и Тамбовской губерціяхъ праздникъ Ярила совершался въ день Всѣхъ Святыхъ или на другой день Петрова дня, во Владимірѣ на Клязьмѣ—въ Троицннъ день, въ Нижегородской губерніи—Іюня 24, въ день ярмарки, въ Твери—въ первое воскресенье послѣ Петрова дня. Здѣсь дѣвушки и парни собирались плясать и веселиться. Матери охотно отиускали своихъ дочерей на это гулянье «по невѣстити». Женихи выматривали невѣсть, а невѣсты жениховъ, но однако случались и дурныя послѣдствія отъ поневѣстванья. Во время разгула дозволялись обинманія, цѣлованія, совершавшіяся подъ вѣтвистыми деревьями. Ярилиню торжество уничтожено стараніемъ архіепископовъ Меодія и Амвросія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губерніи, на канунѣ Троицына дня служатъ молебны на поляхъ, окропляютъ ихъ и скотъ освященною водою. По окончаніи молебствія, поселмше обоого поля пляшутъ и поютъ въ честь Ярила. Въ Воронежѣ этотъ праздникъ совершался съ такими обрядами: Люди всехъ возрастовъ и обоихъ половъ, нарядившись, какъ въ самый большой праздникъ, собирались, съ разсвѣтомъ дня, за городъ на большую площадь. Здѣсь начиналось общее разгулье, состоявшее въ пѣсняхъ, пляскахъ и музыкѣ. Среди общаго веселья наряжали мужчину въ пестрое платье, убирая его цвѣтами и налѣпывая на него ленты и бубенчики; лице его червили или наводили румянами, въ руки давали побрякушки. Дѣти возлѣщали шествіе Ярила барабаннымъ боемъ. Ярило переважно расхаживалъ по площади и плясалъ; къ нему присоединялись другіе плясуны, которые угощали его разными лакомствами. Среди разгула составляли разныя игры, отъ которыхъ переходили къ страшнымъ кулачнымъ боямъ. Епископъ Тихонъ,

искоренившій этотъ обычай, называетъ его бѣсовскимъ и говоритъ, что нѣкогда былъ древній пестукачъ Ярило. Праздникъ назывался «прищемъ», и народъ ожидалъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Онъ начинался въ среду или пятницу послѣ дня сошествія Св. Духа и оканчивался въ первый понедѣльникъ ¹⁾.

Въ Малороссіи названіе Ярила не сохранилось, но есть праздникъ, напоминающій Яриливо торжество. Тамъ, дѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, народъ собирался послѣ Всевытскаго заговѣнья погулять у кабака. Здѣсь пѣли и плясали до вечера. По закатѣ солнца, выносили на улицу соломенное изображеніе мужчины, со всѣми его естественными частями, и клали въ гробъ. Пьяныя женщины подходили къ нему и кричали съ воплемъ: «Померъ онъ, померъ!». Мужчины поднимали чучело и произносили: «Эге, баба не бреше! Она знае, що їй солодче меду». Женщины продолжали вопить: «Якій же вѣнъ бувъ хорошій та який услужливий». Смотрѣли на него любострастно и говорили: «Не встане вѣнъ бѣльше! О, якъ же намъ розставатися съ тобою, и що за жизнь, коли нема тебе! Підмись хочъ на часочокъ; но вѣнъ не встаетъ и не встанетъ». Послѣ продолжительныхъ и многообразныхъ поговорокъ уносили чучело и хоронили. Погребеніе заключалось закускою и попойкою. Въ малороссійской пѣснѣ божество, котораго хоронятъ, называется «Кострубонькомъ».

У Великоруссовъ тоже находимъ обряды, напоминающіе похорону Кострубонька. Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ въ Троицкій и въ Духовъ день, а въ Муромѣ въ первое воскресенье послѣ Троицка дня погребаютъ Кострому. Такъ называется дѣвушка, избранная подружками, собравшимися на условленное мѣсто для совершенія обряда. Кострому кладутъ на доску, несутъ къ рѣкѣ и спускаютъ въ воду. Потомъ сами бросаются въ рѣку:купаются, поютъ и дурачатся. Возвратившись съ пѣснями домой, начинаютъ хоробы. Въ Пензенской же губерніи, въ послѣдній день весны, въ Духовъ день, трое или четверо молодыхъ ребятъ, накрывшись пологами,

¹⁾ По свидѣтельству г. Костомарова («Слав. мнѣологія», стр. 86), праздникъ этотъ существуетъ въ Воронежской губерніи и по нынѣ: Яриломъ тамъ называютъ пестукачъ, одѣтый въ мужское и женское платье вмѣстѣ.

образуютъ изъ себя подобіе лошади. Одна изъ женщинъ наряжается въ солдатскій мундиръ и командуетъ тремя лошадьми. Всѣ дѣвѣцы провожаютъ ихъ за село и прощаются съ ними въ ознаменованіе послѣдняго веселія; это называется «проводами весны». Во всю ночь идетъ веселье и пляски. Въ Саратовѣ, во время проводовъ весны, народъ собирается за городомъ; тамъ приготовляютъ чучело лошади «съ разными грубами атрибутами» и несутъ его взадъ и впередъ по лугу въ сопровожденіи огромной толпы ¹⁾.

Указанные факты позволяютъ вывести такое заключеніе, что Ярило, богъ весенняго и утренняго солнца, изображался сначала въ видѣ коня и конской головы, потомъ въ видѣ всадника, красиваго молодаго человѣка, иногда въ видѣ младенца, сидящаго на рукахъ своей матери, иногда въ видѣ старика. Ярилу также приписывался и женскій образъ. Ярило, прекрасный юноша, даетъ растительную силу хлѣбамъ, травамъ и деревьямъ и чадородіе людямъ и животнымъ. На головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цвѣтовъ, въ лѣвой рукѣ гореть колосьевъ—знакъ, что Ярило есть произраститель цвѣтовъ и хлѣбовъ; въ правой рукѣ у него человѣческая голова, но всей вѣроятности, голова побѣжденной имъ зимы и ночи. Въ честь его совершалось два праздника: одинъ при началѣ весны или *возрожденіе Ярилы*, другой при концѣ весны или *смерть Ярилы*. Въ настоящее время довольно трудно опредѣлить съ точностію дни этихъ праздниковъ. Впрочемъ, о первомъ можно утвердительно сказать, что онъ совершался въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; о второмъ же нельзя говорить съ такою увѣренностію. Нишѣ праздникъ смерти весны или Ярила, какъ видѣли выше, совершается въ различныхъ мѣстностяхъ въ разное время, наипрѣмъ въ Троицкѣ день, наипозднѣе въ первое воскресенье послѣ Петрова дня; но чаще всего во Всесвятское заговѣнье, т. е. черезъ недѣлю послѣ Троицы. Троица же бываетъ между 11 числомъ мая и 14 числомъ іюня; Всесвятское заговѣнье, по этому, приходится наипрѣмъ 18 мая и наипозже 21 іюня. Подвижность праздника Троицы и Всѣхъ Святыхъ, конечно, была причиною того, что празд-

¹⁾ Терещенка, «Бытъ русск. нар.» т. V, стр. 99—104 и др., т. VI, стр. 187, 189, 190—191 и др.; также Сахарова, «Связанія», т. II, стр. 10—12.

пикъ Ярила, съ принятіемъ христіанства, былъ оторванъ отъ опредѣленнаго дня и числа и сталъ передвигаться съ одного числа на другое, съ одного праздника на другой. Праздновать же торжество Ярила въ будній день, а не въ праздничный для повообращенныхъ христіанъ было неловко. Несомнѣнно кажется то, что это былъ послѣдній праздникъ весенній.

По своимъ обрядамъ и идеѣ праздникъ Ярилы наиболѣе подходитъ къ торжеству Адониса. Праздникъ Адониса (солнца) Греки совершали весною два дня: въ первый день носили изображеніе Адониса, прекраснаго юнца, въ лиліи и фиалкахъ, печально играли на флейтахъ и приносили погребальную жертву. Въ Александріи дѣлали изображеніе мертваго человѣка, носили на погребальныхъ носилкахъ и ставили на колоссальный катафалкъ. На другой или на третій день совершалось торжество воскресенія или обрѣтенія Адониса, сопровождавшееся шумными и веселыми восклицаніями и оргіями. Праздникъ этотъ совершался то въ мартѣ, то въ іюнѣ мѣсяцѣ. Адонисъ былъ богомъ солнца. Его смерть означала зиму, изображавшуюся въ видѣ венра, поразишаго Адониса; его воскресеніе знаменовало весну¹⁾.

Выше было сказано, что чучело Ярила изображало его со всеми естественными частями, которыя нарочно представлены были въ увеличенномъ размѣрѣ. Мужскіе половые органы вездѣ почти служили символомъ производительности и были, по этому, священными предметами; довольно вспомнить фаллосъ древнихъ и ингамъ Индусовъ. Солнечныя божества всегда изображались съ фаллосами, которые играли немалую роль въ празднествахъ въ честь этихъ боговъ. Таковы Гермесъ, Пріанъ, Вакхъ и др. Извѣстно, что въ праздникъ Вакха одна изъ женщинъ носила большое изображеніе фаллоса. Египтяне, въ этотъ праздникъ, по словамъ Геродота, употребляли изваянія Вакха, величиною почти въ локоть, сотрясаемыя жилою. Женщины носили эти изображенія по деревьямъ, помавая дѣтороднымъ членомъ, немного меньшимъ всего тѣла. Для чего же дѣтородный членъ бываетъ больше, и при томъ онъ одинъ движется въ тѣлѣ, прибавляетъ Геродотъ,—сему приводится какал-то

¹⁾ Костомарова, «Слав. мнѳологія», стр. 49—51.

священная причина. О Гермесѣ Геродотъ говоритъ, что Аоніане научились его дѣлать съ прямымъ тайнымъ удомъ отъ Пелазговъ. Причина же, по его словамъ, объявлялась въ самоеракійскихъ таинствахъ ¹⁾. Свѣтъ весенняго и утренняго солнца возбуждастъ напряженное состояніе полового органа. Вотъ почему божества весенняго и утренняго солнца, Гермесъ, Ярило и др., представлялись съ прямымъ и увеличеннымъ половымъ органомъ.

Съ официальнымъ наденіемъ язычества не съ разу могло пасть языческое міровоззрѣніе. Пріняты были новыя формы, но понятія остались прежнія; надобно было народу старыя понятія вложить въ новыя формы. И вотъ начинается любопытная умственная работа: характерическія черты языческихъ боговъ переносятся на идеалы новой религіи. При этомъ перенесеніи происходитъ смѣшеніе и путаница: черты одного божества передаются многимъ религіознымъ идеаламъ, и на оборотъ, обязанности многихъ боговъ переносятся на одного святаго. Нѣкоторыя черты, характеризующія древне-славянскаго бога Ярила, мы рѣшаемся видѣть въ народномъ представленіи о Егоріи храбромъ. Приведемъ факты.

Св. Георгій у Малоруссовъ называется «Юрій», «Юрко» «Юря», «Юрь», у Червопруссовъ—«Ирѣи» у Поляковъ «Jerzy». Названія эти близки къ корню *яр*, который, въ славянскихъ языкахъ, имѣетъ и форму *юр*. Такъ, по польски «*jużyc się*»—значить *яриться*, «*juć*»—*ярый, похотливый*, «*jućność*»—*ярость, похотливость*. Отъ того же корня происходятъ малорусскія слова: «юрити, юрю»—въ смыслѣ «*jućyc się*»—*бѣситься*, «юрность»—*похоть, своеволие*, «юркій»—*своевольный, быстрый, увертливый*. Названіе св. Георгія «Ирѣи» также напоминаетъ древнеязыческое божество, тождественное съ Яриломъ. «Ирій», «Ирай» и «Вырій», по малорусски означаетъ мѣсто, откуда весной прилетаютъ къ намъ птицы. Это великорусскій островъ Буянъ (жилице солнца), мѣсто, откуда весной и по утру является возрожденное солнце. Очень естественно, что въ древности мѣсто восхожденія утренняго и весенняго солнца и самое восходящее (т. е. утреннее и весеннее) солнце назывались однимъ и

¹⁾ Исторія Геродота, переводъ Мартынова, 1826 г., кн. 2, XLVIII, стр. 537 и II, стр. 541.

тѣмъ же словомъ — Ирїи или Ирѣи. И такъ, названія Георгїя — Юрѣ, Юрїа и Ирѣи, сближаются съ словомъ Ярїло.

Въ Вѣлоруссїи св. Георгїй покровительствуетъ коровамъ: «Юрїи коровѣ насець, а Микола колей»; впрочемъ онъ тамъ почитается въ видѣ коня. Дѣвушки пляшутъ около коня и поютъ:

Разыгрався Юрїа коникъ,
Залаценьки коникъ ¹⁾.

Дѣло доказанное, что языческіе предки наши сближали понятіе свѣта съ цвѣтами золотымъ, бѣлымъ и краснымъ, а понятїи тьмы съ понятїями цвѣта темнаго и чернаго. Оттого солнце представляется всегда въ видѣ животнаго или человѣка цвѣтовъ бѣлаго, золотого или краснаго, а тьма въ видѣ черныхъ животныхъ и людей (чертей). Въ приведенномъ «залаценькомъ коникѣ» нельзя не видѣть весенняго солнца (Ярїла) въ первоначальномъ его зооморфическомъ образѣ. Вѣрованіе въ игру солнца весной обще многимъ народамъ индоевропейскаго племени. По русскимъ народнымъ преданїямъ, Георгїй также имѣетъ свѣтлую природу. Волосы у Егорїа что «ковылъ-трава» или «желты кудри»:

Молодой Егорїи свѣтлохрабрый—
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
По колѣно ноги въ чистомъ серебрѣ,
И во лбу солнце, въ тылу мѣсяць,
По косицамъ звѣзды переходящїя ²⁾.

По другому представленїю, Георгїй является въ видѣ бѣлаго всадника, раздѣжающаго на бѣломъ конѣ. По выраженїю малорусскаго заклинанїя, Юрїи ѣздитъ, «на бѣлому конѣ, бѣля губы, бѣли зубы, самъ бѣлый, въ бѣле одягся, бѣлымъ подперезався» (окопсался) ³⁾. Тоже самое и въ великорусскихъ заклинанїяхъ: «Стоитъ храбръ Егорей и на сильномъ конѣ, самъ бѣль и клутъ бѣль, и рукавицы бѣлыя, и борода бѣлая, и залучаетъ, и захоплетъ (въ ло-

¹⁾ Каравелова, «Памятники народнаго быта Болгаръ», кн. I, стр. 215.

²⁾ Икушкина, «Русскїя шѣсны», стр. 15.

³⁾ Изъ составленнаго эпоса рукописнаго собранїя малорусскихъ и великорусскихъ заклинанїй.

вухи) лисицъ бурнастыхъ долгохвостыхъ, залучаетъ, загоняетъ бѣлыхъ пчолыхъ ярыхъ зайцевъ...¹⁾ Въ малорусскихъ легендахъ св. Георгій всегда представляется окруженнымъ волками, въ числѣ тридцати.

Извѣстно, что по древнѣйшимъ вѣрованіямъ многихъ народовъ волки считались символомъ тьмы и холода, нападавшими на свѣтъ и теплоту солнца. Съ теченіемъ времени, они начали дѣлаться представителями свѣта, именно лучей солнца. Такимъ образомъ всадникъ, развѣзжающій на бѣломъ конѣ и окруженный волками, знаменуетъ собою солнце, непускающее свѣтозарные лучи. Таковъ былъ Аполлонъ Грековъ; таковъ долженъ быть и Ирило. Волки, окружающіе св. Георгія, по малорусски называются «хортами св. Юрія». Слово «хортъ», уцѣлѣвшее также въ Архангельской губерніи, означаетъ борзого кобеля²⁾ и имѣетъ ближайшую связь со словами «Хръсъ» или «Корсъ», означающими солнечнаго бога и родственными съ древне-чешскимъ «kresъ», *огонь*, и ц.-слав. «крѣсъ», *солнцеворотъ*; подобно тому какъ латинскія *lupus* и *lux*, греческое *λύκος* означаютъ *волка* и *свѣтъ*. Литовцы думаютъ, что св. Георгій былъ охотникомъ и вмѣсто собакъ употреблялъ волковъ. Въ Малороссіи онъ прямо называется «богомъ волковъ», которыхъ онъ пасетъ и ищетъ: «св. Юрь звѣри насе», говоритъ пословица. Великорусскія поговорки: «у волка въ зубахъ, что Егорій далъ», «ловить волкъ роковую овсечку», «обреченная скотинка ужъ не животинка» и др. свидѣтельствуютъ о томъ же. Между Великоруссами, Малоруссами и Бѣлоруссами ходитъ много разсказовъ о св. Георгіѣ, какъ покровителѣ волковъ. Приведемъ въ примѣръ нѣсколько. Вотъ разсказъ о св. Егоріѣ, слышанный мною въ г. Онегѣ, Архангельской губерніи: — Работаетъ крестьянинъ на гумнѣ и видитъ: стоитъ Егорій, отецъ, храброй, а около него волки воютъ: просятъ у него пищи. Св. Егорій приказываетъ имъ взять у того крестьянина лошадь съ бѣлою лысиною во лбу. Услыхавъ это, крестьянинъ тотчасъ побѣжалъ къ своей лошади и замазалъ ей лысину сажей. Прибѣжали

1) Изъ моего сборника записаній.

2) По польски борзая собака тоже «chart».

волки, смотрятъ: лошадь безъ мясины. Они опять къ св. Егорію. Св. Егорій разскажалъ имъ, что сдѣлалъ хитрый мужикъ, и велѣлъ имъ снова идти назадъ. Тогда они вновь бросились на лошадь и разорвали ее по частямъ.—Другой разсказъ о посредничествѣ между волкомъ и человѣкомъ существуетъ въ Орловской губерніи ¹⁾. Въ повѣстяхъ г. Дала находимъ еще разсказъ «о Георгіи храбромъ и волкѣ». Здѣсь повѣствуется о томъ, какъ Георгій училъ волка добывать себѣ пищу, и какую неудачу волкъ терпѣлъ на каждомъ шагѣ: Георгій поочередно посылаетъ волка съѣсть быка, козла, барана, кабала и человѣка; по всѣмъ они обманываютъ дурака-волка и не только что избавляются отъ него, но еще наносятъ ему раны: быкъ бросаетъ его рогами, конь бьетъ его задомъ, а баранъ своимъ крѣпкимъ лбомъ, кабанъ ранитъ клыкомъ, и наконецъ, люди заппиваютъ его въ собачью шкуру и бьютъ.—Въ малорусской сказкѣ «о портномъ и волкѣ» волка посылаетъ на добычу не св. Георгій, а *богъ*. Былъ себѣ, сказано въ началѣ этой сказки,—у пона портной, и отправился онъ въ селеніе заниматься работой; а въ это время несчастному волку *не послалъ Богъ корму*. Волкъ взлѣзъ на гору и проситъ Бога: «Дай, Господи, ѣсть, а если не дашь, умру». «Иди, говоритъ Богъ волку,—що нападешь понове, то й ѣсти тобѣ готове». Волкъ встрѣчаетъ сначала понову кобылу, потомъ барана, свиней и наконецъ портнаго. Кобыла предлагаетъ волку, прежде нежели она сдѣлается добычей его, посмотреть въ бумаги, принесенныя ею изъ города, и въ то время, когда волкъ началъ разсматривать бумаги, кобыла лягнула его. Баранъ, для избавленія волка отъ лишняго труда, проситъ его дозволить ему самому вскочить въ его ротъ. Волкъ раскрылъ ротъ, а баранъ бросился къ нему съ горы и такъ ударилъ волка въ лобъ, что тотъ долго не могъ прийти въ себя. Свиньи, съ дозволенія волка, начинаютъ ѣсть послѣднюю пѣню; люди услышали и прогнали его. Портной проситъ волка дозволить ему умыться передъ смертью и утереться его хвостомъ; волкъ согласился. Портной вмоталъ руки въ хвостъ и такъ его отколотилъ аршиномъ, что волкъ едва остался живъ ²⁾. —

¹⁾ См. выше, стр. 31.

²⁾ «Черниговскій Губ. Вид.» 1860 г., № 21, «Базза про кравця и волка», сообщ. П. Ефименко.

Мотивы, подходящіе къ нашему разсказу, есть въ баснях Езопа и въ ново-греческой сказкѣ.

Наконецъ, приводимъ еще малорусскіе разсказы о св. Георгіѣ и о волкахъ:

I. Ночевали «ночлѣжники»¹⁾, тридцать человѣкъ. Волки воють да воють возлѣ одного дуба. Вотъ они и говорятъ: «Что если бы нашелся между нами такой, который бы переночевалъ на томъ дубѣ!» Одинъ изъ ночлѣжниковъ говоритъ: «Я переночую». Согласились дать ему съ души по рублю. Вотъ тотъ пришелъ къ дубу, взлѣзъ на него и сидитъ. Приѣзжаетъ на бѣломъ конѣ св. Георгій, а передъ нимъ волковъ «тридцать человѣкъ»²⁾. Одному велитъ овцу съѣсть, другому ягненка, третьему гуся и т. д.; «А тебѣ, хромой, то, что на дубѣ». На другой день приходитъ парня, гоняють, гоняють волка — не идетъ; едва отогнали... Вотъ слѣзаетъ тотъ и говоритъ: «Ужъ мнѣ больше не жить на свѣтѣ». Не беретъ денегъ и велитъ, чтобы на эти деньги совершили его похороны. На другую ночь легли, по срединѣ положили его, и всѣ положили на него свои головы. По утру просыпаются — нѣтъ товарища: неизвѣстно — куда дѣвался³⁾.

II. Ыхалъ одинъ горшечникъ изъ Рѣнокъ, приѣхалъ въ долину, остановился; бѣжитъ множество волковъ. Онъ видитъ, что — бѣда, и взлѣзъ на дубъ. Потомъ пришелъ какой-то человѣкъ (а то былъ Егорій святой). «А слазь, говоритъ, — если тебѣ смерть, то и на дубѣ будетъ смерть, слазь, ничего тебѣ не будетъ, ложись!» Тотъ человѣкъ слѣзъ и легъ. Онъ (св. Егорій) сталъ распоряжаться волками: этому сюда, а тому туда, а «двѣнадцать человѣкъ» во дворъ къ знахарю: «Онъ знахарь, а я лучше его знахарь». У этого знахаря было сорокъ лошадей; такъ они ихъ всѣхъ до утра и передушили; тотъ же человѣкъ всталъ по утру и поѣхалъ⁴⁾.

¹⁾ Ночлѣжники въ Малороссіи называются вастухи, сберегающіе скотъ на ночлегахъ въ поляхъ.

²⁾ Выраженіе «тридцать человѣкъ волковъ» постоянно употребляется въ подобныхъ разсказахъ.

³⁾ Этотъ разсказъ помѣщенъ по малорусски въ моей статьѣ «О волкахъ и волчьемъ богѣ Полясулѣ» (см. «Черниг. Губ. Вѣд.» 1859 г. № 23, стр. 157). Варіантъ его см. въ «Основѣ» за 1861 г., кн. V, «Хуртовина» С. Носа, стр. 67.

⁴⁾ Тамъ же; по малорусски.

III. *Вариантъ 1-й.* Ёхалъ панъ мимо нивъ; смотритъ: человекъ поженеть недолго и сидеть, поженеть и сидеть. Это удивило пана; онъ посылаетъ слугу спросить у того человека: зачѣмъ онъ такъ часто отдыхаетъ? Тотъ человекъ отвѣчалъ: «Когда прійдетъ счастливая минута, то я жну, а если настанетъ минута несчастливая, такъ я отдыхаю». Панъ догадался, что это «простой» человекъ, велѣлъ призвать его къ себѣ и говоритъ: «Если ты знаешь наступленіе счастливой и несчастливой минуты, то скажи мнѣ: когда и какою смертію я умру?» Тотъ знатливый человекъ сказалъ: «Сначала умру я, меня убьетъ доской, потомъ твой слуга: онъ самъ положитъ на себя руку, а послѣ того, ты, пане: тебя волкъ съѣстъ». Панъ поѣхалъ домой и началъ ежедневно ѣздить на охоту—истреблять волковъ и уже всѣхъ истреблялъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, панъ снова ѣдетъ прежнею дорогою и видитъ, что изъ села несутъ хоронить крестьянина. «Кто у васъ умеръ?» спрашиваетъ онъ. «Нашъ знахарь; доской его пришибло». Панъ вспомнилъ все. Ѣдетъ домой; на дорогѣ получаетъ извѣстіе, что его слуга ловился. Ѣдетъ дальше; встрѣчается ему хорошая, прехорошая дѣвочка. Она остановилась и проситъ подвезть ее. Панъ согласился. Подъѣзжаютъ къ барскому двору. Смотрятъ: нѣтъ пана, только одна кость. Это была не дѣвушка, а волкъ, превратившійся въ нее ¹⁾.

По *2-му варианту*, панъ, истребляя волковъ, клалъ кожи ихъ на чердакъ. Въ роковой депъ, одна изъ кожъ обратилась въ волка, который и сожралъ пана.

Въ *3-мъ вариантѣ*, человекъ, обреченный на съѣденіе волкамъ, приходитъ домой къ брату и говоритъ ему: «Мнѣ больше не жить на бѣломъ свѣтѣ: я обреченъ волкамъ на съѣденіе». Сказавши это, онъ полѣзъ на печь. По утру щупутъ брата: взглянули на печь; тамъ только косточки его. Это волкъ превратился въ кота, да какъ всѣ уснули — и съѣлъ обреченнаго ²⁾.

IV. Ёхали этимъ лѣсомъ ³⁾ Борнпольцы домой и увидѣли, что волкъ давитъ овцу. Вотъ одинъ изъ нихъ и говоритъ: «Надобно от-

¹⁾ Этотъ разсказъ, доселѣ не изданный, записанъ мной въ г. Черниговѣ.

²⁾ Этотъ разсказъ слышанъ мною въ Черниговѣ, онъ нигдѣ не напечатанъ.

³⁾ Эта легенда разсказана мнѣ въ Броварскомъ лѣсу, подъ Кіевомъ: она нигдѣ не напечатана.

нять овцу». Отняли и положили въ сани тому крестьянину. Начали погонять; поѣхали; только осматриваются, тотъ крестьянинъ не ѣдетъ: воли не трогаются съ мѣста. Начали ему помогать, били, били воловъ — стоятъ неподвижно; сбросили все, что было на санихъ, и не идутъ; припрягли другую пару — и съ мѣста. Мучился, мучился и бросили того крестьянина самого въ лѣсу. Остался, бѣдняга, одинъ. Хочется ему покурить, да нѣтъ огня. Осматривается: возлѣ дороги горитъ огонь. Онь туда; приходитъ, а тамъ человѣкъ на бѣломъ конѣ, окруженный волками. Онь страшно струсилъ, но все-таки рѣшился попросить огня. Какъ крикнетъ на него тотъ человѣкъ, который сидѣлъ на бѣломъ конѣ, какъ начнетъ его ругать! А все за то, что онъ отпаялъ шицу у волка. Потомъ успокоился, далъ огня и говоритъ: «Смотри, въ другой разъ этакъ не дѣлай, а то бѣда будетъ». И приказалъ ему ѣхать домой. Крестьянинъ пошелъ, сѣлъ на сани и поѣхалъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Наши вѣрованія въ то, что св. Егорій является окруженнымъ тридцатью волками и распорядится ими, имѣютъ нѣчто общее съ вѣрованіемъ Французовъ въ волчьихъ вожатыхъ (*meneurs de loups*), т. е. такихъ людей, которые умѣютъ покорять волковъ, приучать ихъ къ себѣ и управлять ими. Есть немало французскихъ рассказовъ о томъ, какъ многіе встрѣчали, при первыхъ лучахъ мѣсяца, на перекресткахъ дорогъ, человѣка, идшаго скорыми шагами и сопровождаемаго болѣе, нежели тридцатью волками (иногда менѣе). Однажды два человѣка увидѣли въ лѣсу стадо волковъ и, испугавшись такой встрѣчи, влѣзли на дерево, откуда видѣли, какъ звѣри остановились передъ хижиною дровосѣка, котораго всѣ спятали колдуномъ. Волки окружили хижину и подняли жестокой вой; дровосѣкъ вышелъ къ нимъ, поговорилъ съ ними, прошелся между ними, и они разсѣялись, не причинивъ ему ни малѣйшаго вреда.

Жоржъ Зандъ, сообщившая этотъ рассказъ, предполагаетъ, что люди, живущіе среди лѣсовъ, могли открыть средство покорять себѣ волковъ, какъ это дѣлаютъ укротители дикихъ звѣрей, заключенныхъ въ клѣткахъ ¹⁾. Можетъ быть, это и такъ. Въ такомъ

¹⁾ «Современникъ» 1852 г., т. смѣсь, «Почина влѣлія въ деревьяхъ», ст. Жоржъ Зандъ, стр. 75.

случаѣ и у пастъ должны были быть такіе же люди; ибо откуда же взялось повѣрье, что св. Георгій ѣздитъ, окруженный тридцатью волками? Кромѣ мифической причины, можно предполагать и реальное основаніе мифа.

Для полученія себѣ пища волки, по малорусскому повѣрью, вымаливаютъ се воемъ въ теченіи двѣнадцати дней, стоя на дыбахъ передъ св. Георгіемъ; поэтому, когда бываетъ слышенъ вой волковъ, то народъ въ Великороссіи, Малороссіи и Бѣлоруссіи говоритъ, что они просятъ у Бога пищи. Животное, назначенное волкамъ въ добычу, не можетъ нигдѣ укрыться отъ нихъ:—«хочъ у пѣчь замажь, то знайде». При приближеніи волка къ стаду овецъ, роковая овца не только не уходитъ отъ него, но напротивъ сама, съ глазами, налившимися кровью (поэтому говорятъ: «вовче червоне», *волчье красное*), бѣжитъ къ нему. Животного, задуманнаго волками, какъ назначеннаго самимъ Богомъ, народъ не употребляетъ въ пищу—развѣ только въ такомъ случаѣ, когда священникъ освятитъ его. Въ Великороссіи вовсе не употребляютъ такихъ животныхъ; у Бѣлоруссовъ существуетъ повѣрье, что если волкъ изранитъ и поелюнитъ какую пибудь домашнюю скотину, то она не уйдетъ отъ его зубовъ; отсюда произошла поговорка о такомъ животномъ: «гето уже на слюнено». Волки дѣлятся по уѣздамъ и урочищамъ и, притомъ, такъ, что волки одной мѣстности не смѣютъ сами, безъ приказанія св. Георгія, переходить въ другую¹⁾.

Мы говорили, что св. Георгій въ Малороссіи называется богомъ волковъ. Въ Бѣлоруссіи ему посвящены коровы. Покровительство Егорія стадамъ высказано въ великорусской пословицѣ: «Егорій да Власть всему богатству глазъ». У Болгаръ, онъ покровитель наступшества и земледѣлія (самое слово *Гетръгъ* по гречески значитъ *земледѣлецъ*). Въ г. Онегѣ св. Георгія называютъ «конскимъ богомъ». Въ великороссійскомъ стихѣ духовномъ, Егорій представляется устроителемъ міра; онъ ѣздитъ по Свѣтлорусской землѣ и даетъ всему порядокъ: устанавливаетъ горы, лѣса, рѣки, размѣщаетъ звѣрей и скоть, даетъ и благословляетъ пищу волкамъ и т. д. У Бѣлоруссовъ онъ, весной и утромъ, отмыкаетъ сырую землю:

¹⁾ Приведенныя малорусскія повѣрья записаны мною въ Черниговской губерніи.

Святый Юрья, божій пасольъ,
 До Бога пашовъ,
 А узявъ ключи золотые,
 Атамкнувъ землю сырусенькую,
 Пущавъ росу цяплюсенькую
 На Вѣлую Русь и на увесь свѣтъ ¹⁾.

Егорій податель жизни и воскреситель людей. Есть, по великорусскому преданію, какое-то царство, гдѣ люди, умирающіе на зиму, воскресаютъ весной на Егорія. Это царство, конечно, наша земля, которую, по утру и весной, солнце воскрешаетъ или избавляетъ отъ ночи и зимы. Егорій покровитель плодовъ земныхъ; онъ зарождаетъ травы и хлѣба: «Сѣй разсаду до Егорья, будетъ ищей довольно»; «коли на Егорьевъ день листь въ полушку, на Ильинъ день клади хлѣбъ въ кадушку»; «коли на Егорьевъ день морозъ, то и подъ кустомъ овесъ»; «на Егорья брось жердку,—обростетъ за ночь»; «на Юрья ворона въ житѣ сховатся». Егорій побѣдитель страшнаго змія ²⁾.

И такъ, въ образѣ и дѣятельности св. Георгія мы узнаемъ слѣдующія черты бога Ярила: Ярило назывался также Юромъ и Ирємъ. Онъ сначала представлялся въ видѣ бѣлаго коня, потомъ въ видѣ бѣлаго свѣтоноснаго юноши, развѣзжающаго на бѣломъ конѣ и окруженнаго тридцатью волками, служащими ему какъ бы гончими собаками, которымъ онъ покровительствовалъ и назначалъ пищу. Подъ видомъ волковъ, окружавшихъ Ярила, сначала представлялись лучи солнца; потомъ преданіе начало понимать мнѣ о волкахъ буквально. Въ этомъ видѣ Ярило совершенно сходенъ съ Аполлономъ. По другому представленію, Ярило ходитъ весной по полямъ въ вѣнкѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ и помахиваніемъ снопика раки раститъ хлѣба. По третьему представленію, у Ярила руки по локоть въ красномъ золотѣ, ноги по колѣни въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяць, по бокамъ звѣзды. Ярило считался богомъ *волковъ, лошадей, коровъ, птицъ и другихъ живыхъ, богомъ подателемъ плодовъ земныхъ,*

¹⁾ «Памятникъ народнаго быта Болгаръ», кн. I, стр. 216.

²⁾ Тамъ же, стр. 216—219.

подателемъ жизни, устройтелемъ вселенной, побѣдителемъ змѣя, т. е. змѣя и ночи.

Если св. Георгій, со введеніемъ христіанства, принялъ на себя черты бога Ярила, то, конечно, и въ праздникѣ въ честь Георгія должны находиться черты Ярилина торжества. Поэтому, разсмотримъ, какимъ образомъ Егорьевъ день (23 Апрѣля) праздновался у Славянъ и другихъ народовъ индо-европейскаго племени.

Великоруссы, въ разныхъ губерніяхъ, слѣдую поговоркѣ: «выгоний скотъ на Юрьеву росу», рано утромъ въ Егорьевъ день выгоняютъ, всюю деревнею, скотину въ поле, освященною вербою; собиравтся всемъ міромъ, служатъ молебны на поляхъ, угощаютъ настуховъ водкою, пирогами и яшниццею и надѣляютъ ихъ холстомъ и деньгами; при этомъ, конечно, и сами угощаются.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Костромской губерніи поселане ночью «окликаютъ» Егорья слѣдующею пѣсней:

Мы вокругъ поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали:
Егорій ты нашъ храбрый,
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго. . .

Въ Великоросіи, Малоросіи, Сербіи, Иллиріи, Герцоговинѣ и Болгаріи Юрьевъ день былъ временемъ разнаго рода сдѣлокъ, торговъ и временемъ перехода поселанъ отъ одного владѣльца къ другому. Кому не извѣстно значеніе поговорки: «Отъ тобѣ, бабо, и Юрьевъ день» («Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день»)! До сихъ поръ въ Великой Россіи сохранился у поселанъ обычай съ Юрьева дня начинать все торговныя сдѣлки и пазначать сроки. Работники начинаютъ съ Юрьева дня. Невѣсты молятъ св. Егорія о дарованіи жениховъ и ходятъ въ этотъ день разубранными: «нари-

жается, говорятъ, — словно баба на Юрья»¹⁾. Въ г. Онегѣ Егорьевъ день считается конскимъ праздникомъ. Въ этотъ день приводятъ лошадей къ церкви, предварительно вычистивши и вымывши ихъ и залетши имъ въ гривы и чолки денты. У церкви священники служатъ молебны св. Георгію и кропятъ лошадей священной водою. Лошади въ этотъ день пользуются самымъ лучшимъ кормомъ и до вечера гуляютъ на поскотниѣ²⁾. Впрочемъ, обрядъ этотъ совершается на св. Егорія, кажется, только въ одномъ Онежскомъ уѣздѣ; во всей же остальной Россіи, начиная съ Архангельска и до Малороссіи, онъ совершается на св. Флора и Лавра, которые почитаются тамъ покровителями лошадей.

Малоруссы также совершаютъ первый выгонъ скота въ поля на Юрьевъ день и также освященной вербою; подгоняя ея скотину, приговариваютъ: «иди собѣ зъ богомъ»³⁾! Служатъ на поляхъ молебны, составляютъ шпрушку, дарятъ настиховъ хлѣбомъ, ящами и разными жареными, просятъ ихъ беречь скотъ, который, кромѣ того, поручаютъ особенному покровительству св. Георгія. Думая, что засѣянный хлѣбъ поднимается на поляхъ отъ вліянія Юрка, они служатъ въ честь его молебны на поляхъ, кропя ихъ святою водою. Малоруссы вѣрятъ, что если выгонять скотъ на Юрьеву росу, то онъ въ теченіи года будетъ красивѣе и тучнѣе, и самая рожь станетъ расти лучше. Поэтому, пословица соотвѣтуетъ: «догодуй скотину до Юрія, та й вила закни». Однако роса можетъ сдѣлаться и вредною для скота: если знахари и вѣдьмы, которые на зорѣ этого дня парочко выходятъ въ поле, соберутъ Юрьеву росу на разостланный холстъ и набросятъ его на рогатый скотъ, то онъ отъ это о дѣлается тонкимъ и недоинымъ. Въ этотъ день вѣдьмы и знахари чрезвычайно опасны для коровъ, потому что они обращаются въ разныхъ животныхъ, телятъ, собакъ, конекъ и ир., и высасываютъ у коровъ молоко⁴⁾.

Въ задніпровской Малороссіи въ этотъ день, на краяхъ нивъ

¹⁾ «Быт. русск. нар.», т. VI, стр. 26—36.

²⁾ Записано мною въ г. Онегѣ.

³⁾ «Черн. губ. вѣд.» 1854 г. № 13, стр. 85.

⁴⁾ «Быт. русск. нар.», т. VI, стр. 29 и др.

закапываютъ кости священныхъ поросятъ и ягнятъ, для сохраненія пивъ отъ бурь и граду ¹⁾). При выгонѣ въ первый разъ скота на пастбище, Малоруссы предохраняютъ его на весь годъ отъ нападенія волковъ нижеслѣдующимъ заклинаніемъ: Берутъ сучекъ дерева, однимъ концомъ его прикасаются къ затылку, а другимъ упираются въ какой нибудь предметъ, дерево, зданіе и пр.; и приговариваютъ:

Молюся Богу,
Матери Божѣй,
Всѣмъ святымъ ёго,
Св. Георгію, хортѣвъ припинающему,
Якъ снмъ сучкамъ не развиватися,
Такъ и хортамъ моен скотины (такой то масти) не чинати ²⁾.

Въ Червонной Руси совершаются на Юрьевъ день семейныи пирушки; дѣвушки поютъ пѣсни. Пастухи встрѣчаютъ Юрьевъ день пѣснями, варятъ кашу и молятъ св. Георгіа о предохраненіи скота отъ всякаго несчастія. Выгонъ скоту на Юрьеву росу предохраняетъ его отъ порчи вѣдьмъ. Послѣ шра мужчины ѣздятъ верхомъ на лошадахъ, думая, что между ними присутствуетъ св. Георгій на конѣ и также рыцетъ верхомъ; какъ защитникъ всякаго скота, онъ, по ихъ мнѣнію, не допуститъ портить его. На тѣхъ лошадахъ, на которыхъ не ѣздили въ день св. Георгіа, ѣздятъ ночью черти ³⁾. Гуцулы и Подгорине, на канунѣ св. Егорія, вечеромъ, возжигаютъ огни на своихъ горахъ, которыя кажутся тогда облитыми пламенемъ. Это называется «Юрика палити». Эта ночь считается страшною для людей и скота, потому что тогда именно вѣдьмы лстаютъ по воздуху на метлахъ и причиняютъ большой вредъ. Для того, чтобы отогнать нечистую силу, раскладываютъ огни, намазываютъ ободверныи и пороги крестообразно дегтемъ и чеснокомъ. На другой день, на ворота кладутъ вѣтви деревъ и увѣнчиваютъ рогатыи

¹⁾ «Lud Ukrainski», Nowosielskiego, W., 1857, T. I., str. 125.

²⁾ «Черниг. губ. вѣд.» 1859 г., № 23, стр. 157. См. также «Черниг. губ. вѣд.» 1858 г., № 17, «О заговорахъ» Шинцакаго-Пальча, стр. 128—129.

³⁾ «Быть русск. нар.», т. VI, стр. 29.

с отъ цвѣтами, радуясь что провели спокойно страшную ночь ¹⁾. При выгонѣ стада на пастбища, весной, Гуцулы дѣлають ширь для пастуховъ, на пемь приготавлиють широгъ, въ видѣ барашка, который, какъ жертва Богу, разрѣзывается на части рукою главного «бачи» ²⁾, и остатки котораго берегутся пастухами въ видѣ лѣкарства для овецъ ³⁾.

Въ Бѣлоруссiи, въ день св. Егорiя (Ягорiя), каждый хозяинъ или кто либо старшiй изъ его семейства выгоняетъ скотъ освященной вербой въ поле, на росу, которую считаютъ приносящею здоровье скоту: «Юрѣва роса — не треба конямъ овса» (ею окропляютъ домашнихъ животныхъ). Молодежь обоего пола считаетъ Юрѣву росу полезною отъ веснушекъ; по этому рано утромъ, до восхода солнца, старается умыться ею. Обильная Юрѣва роса, по замѣчанiю хозяевъ, предвѣщаетъ хорошiй урожай. Скотъ, выгнанный на Юрѣву росу, по вѣрованiю Бѣлоруссовъ, принимается св. Георгiемъ подъ свою защиту ⁴⁾. Вербу, которою пригоняють скотъ, хозяева втыкають въ землю на поляхъ и почитаютъ ее «за пастуха». Если въ этотъ день на полѣ попадется конская голова, то берутъ ее и надѣвають на колъ, для предохраненiя лошадей отъ падежа. Пастухи въ этотъ день получаютъ отъ хозяевъ широг, яйца и разное печенье ⁵⁾.

Въ Сербiи, Иллирии и Черногорiи скотъ на Георгiя выгоняють освященною вербою, отелуживши молебны у колодець и окропивши его святою водою. Сербскiи дѣвицы просятъ св. Георгiя о дарованiи имъ жениховъ. Въ Боснiи, Герцоговинѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ у турецкихъ Славянъ жарятъ ягвенка, котораго съѣдаютъ торжественно ⁶⁾. Но нигдѣ, кажется, 23 Апрѣля, не празднуется съ такимъ торжествомъ, какъ въ Болгарiи ⁷⁾.

¹⁾ «Галицкая зоря» 1852 г., № 39, «Письмо зъ горъ Коломыйскихъ».

²⁾ Старшiй пастухъ.

³⁾ Срезневскаго, «О лзич. богосл. Слав.», стр. 79.

⁴⁾ Терещенка, «Быть русск. нар.», т. VI, стр. 29; «Памяти. нар. бытъ Болгаръ», кн. 1, стр. 218.

⁵⁾ Сообщено въ г. Холмогорахъ Бѣлоруссами В. и А. Зелковичами.

⁶⁾ «Быть русск. нар.», т. VI, стр. 28.

⁷⁾ Нижеслѣдующее описанiе составлено для меня въ Кiевѣ Болгариницею М. Дриновницею.

«Одинъ изъ народныхъ и при томъ самыхъ веселыхъ праздниковъ у Болгаръ есть праздникъ св. Георгія Побѣдоносца. Цѣлый годъ Болгары съ пріятностію вспоминаютъ объ этомъ праздникѣ и радостно его ожидаютъ. Въ лицѣ св. Георгія они почитаютъ покровителя земледѣльцевъ и пастырей и назначаютъ ему въ этотъ день жертву, «хлѣбъ и барашка», которую совершаютъ слѣдующимъ образомъ:

«На канунѣ этого праздника (22 Апрѣля) молодыя Болгарки рано утромъ, чуть солнышко встанетъ, одѣтыя въ праздничное платье, отправляются по воду на «изворъ» ¹⁾, окруженный зелеными лугами. Оставивъ свои «мѣдники» ²⁾ возлѣ извора, расходятся по роснымъ лугамъ, рвутъ съ веселостію весенніе цвѣты, изъ которыхъ заботливо свиваютъ «китку» ³⁾ св. Георгію. Приготовивъ ее, возвращаются къ покинутымъ мѣдникамъ, наполняютъ водою изъ извора и вмѣстѣ съ киткою относятъ домой. Тамъ обмываютъ «попцы» ⁴⁾ и начинаютъ изъ самой чистой муки тою же водою мѣсить хлѣбъ. Хлѣбы мѣсятся двойкой формой: «кошари» и «крован». Кошары предназначаются пастухамъ и раздаются имъ на другой или на третій день. Одинъ изъ кроваевъ въ тотъ же день къ вечеру беретъ старуха въ домѣ, кладетъ на него китку св. Георгія, закутываетъ чистымъ «месаломъ» ⁵⁾ и, вручивъ молодой невѣстѣ, отправляется вмѣстѣ съ нею въ церковь или на другое мѣсто, гдѣ обыкновенно собирается деревня въ подобныхъ случаяхъ. Приходитъ туда и священникъ, благословляетъ принесенные крован и беретъ собѣ «порязалицу» ⁶⁾; остальной хлѣбъ раздаютъ бѣднымъ, кромѣ небольшого куска, который отнесется домой съ киткою. Кусокъ хлѣба раздѣляютъ между домашними, а китку ставятъ въ божницу, гдѣ она сохраняется въ теченіи цѣлаго года. Если заболѣетъ какое нибудь домашнее животное, то ему въ пищу подмѣшиваютъ часть китки, что почитается священнымъ лѣкарствомъ.

¹⁾ Неглубокій колодець.

²⁾ Котлы.

³⁾ Вѣнокъ.

⁴⁾ Почевки.

⁵⁾ Полотенце.

⁶⁾ Такъ называется кусокъ, отдаваемый священнику.

«На слѣдующій день, какъ только зоря возвѣститъ пастушеніе радостнаго праздника, изъ земледѣльческихъ домовъ молодые люди, взявъ по кроваю и по «плѣску» или «бѣклицу» ¹⁾ вина, отправляются въ поле на жатву. Держа въ одной рукѣ кроваю, а въ другой плѣску, каждый изъ нихъ ходитъ вокругъ своей нивы, а потомъ всѣ собираются вмѣстѣ. Усѣвшись на холмѣ, возвышающемся среди зеленой жатвы, ѣдятъ кроваю и пьютъ вино, молясь по очереди, чтобы св. Георгій развеселилъ ихъ нивы и даровалъ имъ большіе колосья, полныя крупнаго зерна. Позавтракавъ такимъ образомъ, катаются по росѣ, чтобы не болѣли кости, рвутъ колосья съ нивъ и росные цвѣтки съ полей и сѣпаютъ домой до восхода солнца. Начинается приготовленіе барашка: надѣваютъ ему на голову вѣнокъ, сплетенный изъ колосьевъ и цвѣтковъ, принесенныхъ молодыми людьми съ нивъ и полей, связываютъ ему ноги вмѣстѣ и полагаютъ на «паралю», уснащенную цвѣтами; на вѣнокъ прилѣпляютъ двѣ зажженныя восковыя свѣчи. Тогда приступаетъ домохозяйникъ, съ открытою головою, къ лежащему на цвѣткахъ барашку, окруженному мальчиками дома, кадитъ его и, перекрестившись, заколаетъ ²⁾. Потомъ кровью его намазываетъ лица присутствующихъ малютокъ крестообразно—на челѣ, бородѣ и щекахъ, остальную кровь молодые люди тщательно собираютъ въ котель, приносятъ на рѣку и торжественно ее изливаютъ при выстрѣлахъ изъ пистолетовъ ³⁾. Поджаривъ барашка, несутъ его съ кроваемъ въ церковь или на другое мѣсто, почитаемое въ деревнѣ священнымъ, и, по благословеніи священникомъ, берутъ обратно и разносятъ нѣсколько кусковъ по соебдымъ; съ остальными же начинаютъ веселый обѣдъ ⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ обѣдомъ выходятъ за дерев-

¹⁾ Бакаляна.

²⁾ При закланіи агленка домохозяйникъ читаетъ молитвы св. Георгію и потомъ, поднявъ ножъ къ верху, произноситъ: «Светы Гѣрри, на ти ѣгне». У Болгаръ, живущихъ въ Ниротскомъ округѣ, барашка заколаютъ старики: они же увозятъ его домой и жарятъ его на вертелѣ. Передъ закланіемъ дѣвушки и парни пляшутъ вокругъ барашка, съ пѣснями. См. «Памяти. нар. быта Болгаръ», кн. I, стр. 211.

³⁾ Кровь эта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи употребляется на лѣченіе людей и животныхъ отъ различныхъ болѣзней: оспы, коросты и пр.: тамъ же.

⁴⁾ Косточки, оставшіяся отъ съѣденаго агленка, зарывають въ землю. Тамъ же.

ню, на мѣсто священное, что обыкновенно бываетъ въ рощахъ. Наряжаются всѣ изъ дому въ праздничное платье, кладутъ на лошадь барашка, кроваи и другія ветвы и выходятъ на это мѣсто. Въ зеленой рощѣ вся деревня образуетъ нѣсколько кружковъ, разлагаетъ транезы; приходитъ священникъ и, посящая по очередно всѣ транезы, благословляетъ ихъ, беретъ отъ каждаго кроваи поризанницу, плечи отъ барашковъ и ихъ шкуры. Начинается обѣдъ: плоски «ройнаго вина» непрерывно обходятъ по обѣимъ сторонамъ транезы; каждый, принимаясь пить, призываетъ св. Георгія быть неотступнымъ покровителемъ стада и жатвы.

«Послѣ обѣда вся роща наполняется веселіемъ поклонниковъ Георгія: молодые люди, невѣсты и дѣвочки, покинувъ транезу, заводятъ хороруды подѣ звуки старинныхъ инструментовъ «гайды» и «гуслы»; на другомъ мѣстѣ призываютъ къ вѣтвистому дубу качель, на которой одна изъ молодыхъ дѣвушекъ или невѣстъ катаетъ молодца, а другіе въ то время привѣтствуютъ его веселою пѣсню. Одни старикки остаются за транезами и, не переставая опоражнвать плоски ройнаго вина, поютъ въ восторгѣ любимыя пѣсни старины. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока наступающая вочь не заставитъ ихъ поспѣшнть домой. Пѣсни, которыя поютъ въ этотъ день,—священнаго содержания. Въ нихъ воспѣвается то, какъ св. Георгій когда-то избавилъ жатву отъ грозившей погибели; гдѣ избавилъ овечку отъ хищнаго волка, гдѣ удивительно размножилъ стада и пр.

Рано ранилъ светы Гергы,
 На личепъ дешъ, на Гергьовъ день
 Обѣдла си добра коня
 Та обиде уридомъ ¹⁾ ниве,
 Уридомъ ниве и ливаде и пр.

«Вирочемъ, обряды, съ которыми отправляется веселый праздникъ св. Георгія, не вездѣ одинаковы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напнрнмѣръ въ Видннской «казѣ» ²⁾, въ этотъ день заколаютъ

¹⁾ Глдомъ.

²⁾ Енархія.

общественнаго, священнаго быка, на котораго никто не смѣетъ поднять руки въ другое время года, и отъ всей деревни приносятъ въ жертву св. Георгію. Въ деревняхъ до этого дня не ѣдятъ молока, не колятъ барашковъ, не пускаютъ лошадей и скота на подножный кормъ и не купаются въ рѣкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ день бывають «збѣры» т. е. ярмарки. Нанимаются до Юрьева и Дмитріева дня.»

Литовцы въ Юрьевъ день совершаютъ жертвы изъ домашнихъ животныхъ; бѣдные же покупаютъ восковыя фигурки различныхъ животныхъ (копей, коровъ, овецъ, козъ, свиней и т. д.), продавая ихъ отъ костеловъ. Крестьяне носятъ ихъ около костела, молчатся, а потомъ кладутъ на престолъ. Существуетъ также обычай выходить въ поля, при чемъ совершаютъ шпрушку, и народъ катается по нивѣ, съ крикомъ: «роди, Боже, роди, Боже» (хлѣбъ) ¹⁾.

У древнихъ Сорабовъ, по свидѣтельству Дитмара, весною, при выгонѣ скота въ первый разъ на подножный кормъ, существовалъ такой обычай: по цѣлому селенію отъ двора до двора носили палку, имѣвшую рукоятку, въ видѣ руки, держащей желѣзный шаръ. Обносившій ее, вмѣстѣ съ пастухомъ, вступалъ въ избу и вскрикивалъ: «Генниль, бди!» Все думали, что эта палка охраняетъ стадо отъ волковъ ²⁾. Сорабскій Генниль или Гонило соотвѣтствуетъ литовскому Гониглиссу, богу пастуховъ. Гониглиссъ былъ олицетвореніемъ солнца, по этому и шаръ на палкѣ долженъ быть ни что иное, какъ образъ солнца. Къ Гониглиссу Литовцы обращались съ мольбой защищать ихъ стада отъ волковъ въ такихъ словахъ:

Гониглиссъ божокъ,
Паси мою корову,
Паси моего бычка,
Не пускай волка-злодѣя!
Пасу, пасу мои овцы,
Тебя, волкъ, не боюсь!

¹⁾ «Litwa pod względem starożytnych zabytków», J u s e w i e z a, Wiln., 1846, str. 184.

²⁾ «Polska wieków średnich», J. L e l e w e l a, Poznań, 1855, I, str. 417; К о с т о м а р о в а, «Слав. Миеология», стр. 77.

Богъ съ солнечными кудрями

Вѣрно тебя не допуститъ.

Ладо, Ладо-солнце,

Вей его ложкою по головѣ ¹⁾.

Греки, по принятіи христіанства, торжествовали Георгіевъ день какъ праздникъ пастушескій и земледѣльческій. Въ этотъ день они закалывали поворожденнаго изъ животныхъ для пришества и выгоняли скотъ на пастбища. На полѣ предавались веселію и просто-душно вѣрили, что св. Георгій есть покровитель скота и предохранитель отъ всякой заразы и похищенія хищными животными ²⁾. Изъ житія великомученика Георгія видно, что еще до времени жизни этого святаго Греки праздновали день 23 Апрѣля, какъ праздникъ пастуховъ и земледѣльцевъ.

У Римлянъ, 21 апрѣля, тоже совершался праздникъ подобнаго же характера, Палилїи: въ этотъ день пастухи накормивъ скотъ, очищали и окуривали стойла и стада сѣрою, можжевельникомъ и пр., потомъ выходили въ поле и молили боговъ объ охраненіи стадъ отъ нападежа и болѣзней. Затѣмъ разводили огни, три раза прогоняли черезъ нихъ стада и сами перескакивали, для очищенія ³⁾.

Празднованіе Георгіева дня различными народами индо-европейскаго корня, съ одинаковыми обрядами, ясно указываетъ на древность этого праздника и на то, что онъ совершался въ честь языческаго божества. Уже одно то обстоятельство, что этотъ языскій праздникъ совершался весною и при томъ раннимъ утромъ, опредѣляетъ его значеніе, какъ праздника въ честь бога весны и утра, т. е. Ярило. Выгонъ скота въ первый разъ въ этотъ день и участіе въ праздникѣ пастуховъ служитъ указаніемъ, что онъ отправлялся въ честь бога, покровителя скота и пастуховъ, какимъ былъ Ярило. Мѣсто, гдѣ совершается праздникъ, поля и нивы, и просьба къ богу зарождасть хлѣбъ свидѣтельствуютъ о земледѣльческомъ характерѣ праздника въ честь этого божества. Пи-

¹⁾ «Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа», Вильно, 1854, стр. 130.

²⁾ «Бытъ русск. нар.» т. VI, стр. 28.

³⁾ Ю. База, «Полювенскіе древнихъ Грековъ», стр. 117.

рушка на поляхъ, употребленіе въ пищу пироговъ, лѣцъ, жаренаго и, наконецъ, барашка, потомъ собраніе всей общины въ одно мѣсто служатъ прямымъ доказательствомъ, что въ древности въ этотъ день совершали публичныя жертвоприношенія животныхъ и общественыя шпы. Освященная верба, которую Великоруссы, Малоруссы, Бѣлоруссы, Сербы, Черногорцы и др. выгоняютъ скотъ въ первый разъ на пастбища, есть ничто иное, какъ остатокъ древнеязыческой палки славянскихъ пастуховъ, представлявшей изображеніе бога стада Ярила. Доказательствомъ этому служатъ палка бога солнца и стада Гюннглуса и освященная верба Бѣлоруссовъ, втыкаемая на полѣ и считающаяся пастухомъ скота. Священное или, лучше сказать, божественное значеніе освященной вербы и пастушеской палки подтверждается еще многими фактами. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи втыкаютъ въ коровьихъ стойлахъ прутья «свяченой вербы» въ той увѣренности, что они отгоняютъ нечистую силу и вѣдьмъ, портищихъ рогатый скотъ. Въ Великороссіи тоже самое дѣлается въ день св. Власія. Эта верба Малоруссами берется на Вербной недѣлѣ изъ церкви и хранится въ теченіи цѣлаго года въ домахъ; она употребляется знахарями, какъ цѣлебное средство противъ болѣзней: въ случаѣ искуга дѣтей ее пережигаютъ въ порошокъ и даютъ дѣтямъ шить съ водою. Ниме бьютъ свой скотъ слегка, освященною вербою, предполагая, что тогда никакая нечистая сила къ нему не прикоснется. Въ Литвѣ при выгонѣ въ первый разъ скота на пастбищѣ, хозяева бьютъ каждую скотину освященною вербою, въ томъ убѣжденіи, что отъ этого весь скотъ будетъ крѣпокъ и здоровъ ¹⁾.

Священное значеніе палки пастуховъ видно и изъ великорусскаго разсказа о Лѣшемъ, въ которомъ говорится, что одинъ пастухъ, помирая, завѣщалъ другому, какъ драгоценное наследство, свою палку, владея которою, наследникъ вовсе не ходилъ въ лѣсъ и не берегъ коровъ отъ медвѣдей, а все коровы были цѣлы и невредимы ²⁾. Это напоминаетъ французское преданіе о вязѣ gateau (грабли), стоящемъ на перекресткѣ дорогъ около Берри и существ-

¹⁾ «Быть русск. нар.», т. VI, стр. 84.

²⁾ «Памятная книжка Архангельской губерніи» на 1864 г., «Демоніология жителей Арханг. губ.», II. Ефименка, стр. 52.

вовавшемъ еще при Карлѣ VII. Во время войнъ съ Англичанами, возлѣ этого вяза маленькій пастухъ пасъ свиней. Однажды онъ увидѣлъ отрядъ непріятеля, стремившійся на Берри, пригналъ свое стадо подъ вязъ и оставилъ свою палку, чтобы она караулила его свиней въ продолженіи трехъ дней и трехъ почей, а самъ отправился къ соотечественникамъ, для принятія участія въ сраженіи съ непріятелемъ. Послѣ прогнанія непріятеля, онъ, возвратившись къ стаду, перечелъ свиней: всѣ были на лицо, не смотря на то, что мимо этого мѣста прошло много бродягъ, грабителей и даже волковъ, привлеченныхъ запахомъ крови. Мальчикъ опять взялъ свою палку, сталъ на колыни и возблагодарилъ Бога ¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великороссіи, во время скотскаго падежа, колы, вбитый посреди загона, считается вѣрнѣйшимъ средствомъ отъ болѣзни ²⁾).

Въ Архангельской губерніи, при покункѣ коровъ, обводятъ ихъ три раза по солнцу вокругъ столба или колышка. Сучекъ, употребляемый при заклинаніи Малоруссами и прикладываемый одною стороною къ затылку, а другою къ дереву, есть, конечно, намекъ на священную пастушескую палку. По всей вѣроятности, такіе палки, какъ и палки, служившія символомъ власти, вырѣзывались въ священныхъ лѣсахъ, называвшихся «божницами» ³⁾). У Болгаръ есть поговорки о палкѣ: «Тояга-та ⁴⁾ ІѢ Вожко дръвце;» «тояга-та изъ рай язлиза» ⁵⁾). У Египтянъ, закрученная палка пастуховъ, считавшаяся талисманомъ противъ злыхъ духовъ, имѣла своимъ первообразомъ ступу Озириса ⁶⁾). Въ Новороссійскомъ краѣ пастухи, въ случаѣ появленія волка, надѣваютъ на палку ⁷⁾ шапку и, поднявши ее вверхъ, бѣгутъ къ волку, думая испугать его этимъ.

¹⁾ «Современникъ» 1852 г., № 1, «Ночныя видѣнія въ деревняхъ», стр. 8.

²⁾ «Быть русск. нар.», т. VI, стр. 40.

³⁾ «Lud Polski», przez Golebiowskięgo, W., 1830, str. 278.

⁴⁾ Палка.

⁵⁾ «Памятники нар. быта Болгаръ», стр. 138.

⁶⁾ «Lud Ukrainski», t. I, str. 307.

⁷⁾ Въ Новороссійскомъ краѣ у пастуховъ существуетъ два рода палокъ. Пастухи рогатаго скота лщательно размещиваютъ и стараются употребить палку «съ кудянькою», т. е. съ большимъ шарообразнымъ наковешникомъ. Пастухи овецъ

Многіе изъ Славянъ, при выгонѣ въ первый разъ скота на пастбища, окуриваютъ его и зажигаютъ огни, для предохраненія отъ волковъ и нечистой силы ¹⁾. Разведеніе огней будетъ понятно, если мы скажемъ, что огонь служилъ символомъ солнца, т. е. Ярилы («Юрика палити»). Огонь прогоняетъ темноту и холодъ, а темнота и холодъ олицетворялась въ видѣ волковъ и нечистыхъ духовъ. Поэтому, огонь разводили для отогнанія темноты и холода и ихъ олицетвореній, особенно же, въ заморфическій періодъ язычества, для отогнанія волковъ и злыхъ духовъ отъ стадъ и для очищенія стадъ отъ болѣзней. Подтвердимъ это фактами. Въ Великороссіи на Свитой недѣлѣ берутъ огонь изъ кадилницы и высыпаютъ его въ печь, думая, что онъ непременно выгонитъ всю нечистую силу изъ покоевъ, и считаютъ его за некоего рода святость ²⁾. Въ Ирландіи огонь, возжигаемый 24 Юня, называется добрымъ огнемъ, потому что онъ прогоняетъ бѣду и несчастье. Такъ называемые огни необходимости, Nodfyr, Noth-feuer, возжигались для уничтоженія повальной болѣзни ³⁾. У Индусовъ огонь считался богомъ очищенія и истребителемъ зла: «онъ одолеваетъ черную ночь и изгоняетъ злыхъ духовъ». У Персовъ онъ считался самымъ надежнѣйшимъ покровителемъ противъ злыхъ духовъ ⁴⁾.

Такъ какъ скотъ выгоняли по утру, въ праздникъ утренняго или весенняго божества, на поля, покрытыя еще росой, которая

употребляютъ палки съ крюкомъ, такъ, чтобы ими легко было захватывать овецъ за ноги. Эта форма палки какъ бы напоминаетъ ногу божества, между тѣмъ какъ первая напоминаетъ голову. Надо бы замѣтить, что палки новороссійскихъ пастуховъ совершенно сходны съ татарскими, наприм. съ изображеніями палокъ на надгробныхъ памятникахъ въ Крыму. Тѣ и другія называются однимъ именемъ: во малороссійски: «гарыга» или «ирянкъ», по татарски: «ирянкъ».

¹⁾ Обычай разводить огонь при выгонѣ въ первый разъ скота на пастбища существуетъ и въ Архангельской губерніи.

²⁾ «Бить русск. нар.», т. VI, стр. 100.

³⁾ «Ж. М. Н. Пр.», т. XXXI, отд. II, «Купало», ст. о. Сабянина, стр. 24.

⁴⁾ Веберъ «Всемирн. исторія», 1860 г., кн. 1-я, стр. 264.

посылалась божествомъ, то, по этому, роса, какъ божественная, считалась очень здоровымъ средствомъ для скота. Божество весенняго солнца, только что возродившагося отъ смерти, причиненной ему зимой и ночью, еще не окрѣвшее, могло подвергнуться внезапному нападенію холода и тьмы; слѣдовательно и Ярило (сначала въ видѣ коня, потомъ человѣка), какъ олицетвореніе солнца, былъ далеко небезопасенъ отъ нападенія олицетвореній холода и тьмы, волковъ и злыхъ духовъ. Вотъ причина, почему для нашихъ предковъ была страшною ночь передъ днемъ Ярила; вотъ почему боялись они тогда усиливающейся злости волковъ и нечистыхъ духовъ. Поэтому-то и молились Ярилу о сохраненіи стадъ отъ волковъ и злыхъ духовъ.

Вѣлорусскій обычай искать въ Егорьевъ день конскую голову и, найдя ее, патыкать на колъ, для предохраненія отъ скотскаго набега, существуетъ, въ измѣненномъ видѣ, у Малоруссовъ, Велико-руссовъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ и пр. Эти народы поднимаютъ конскія головы,—но уже не на Юрьевъ день, а всегда, какъ только упадетъ такая голова, и патыкаютъ ихъ на колья огородовъ или вѣшаютъ на домахъ, для привлеченія счастья и для отвращенія всякихъ бѣдствій, надежа болѣзней, неурожая и проч. Этотъ обычай и вѣрованіе объясняются тѣмъ, что конская голова, какъ мы сказали выше, была символомъ восходящаго, утренняго и весенняго солнца или Ярила, бога счастья и отвратителя бѣдъ всякаго рода. Замѣчательные вѣрованіе и обычай существуютъ у Вѣлоруссовъ: по мнѣнію ихъ, лошади имѣютъ особаго покровителя, Вазила, заботящагося о размноженіи ихъ и предохраненіи отъ болѣзней; Вазило живетъ въ хлѣвахъ лошадиныхъ и присутствуетъ на ночлегахъ лошадей въ полѣ; въ слѣдствіе такого повѣрья, пастухи вколачиваютъ на мѣстѣ ночлега огромный шестъ и втыкаютъ на него костякъ лошадиной головы, будучи увѣрены, что это изображеніе бога Вазила спасетъ лошадей отъ нападеній волковъ и Кумельгана, божества, враждебнаго лошадямъ, а сами беззаботно проводятъ ночлегъ въ гулянкахъ или спать, вовсе не присматривая за вѣренными имъ табунномъ; въ случаѣ нападенія на табунъ какогонибудь звѣря или даже самаго Кумельгана, лошади, какъ бы по инстинкту, сбѣгаютъ на то мѣсто, гдѣ вколочено изображеніе Ва-

зила, и здѣсь находятъ себѣ спасеніе ¹⁾, потому что сюда не смѣютъ подойти ни звѣрь, ни злобный богъ.

Обобщимъ всѣ вышесказанные факты, относящіеся къ Юрьеву дню. У языческихъ предковъ нашихъ день 23 Апрѣля праздновался какъ торжество въ честь Ярила, божества утренняго и весенняго солнца, покровителя людей, животныхъ и растений, защитника домашнихъ животныхъ отъ хищныхъ звѣрей, подателя всякихъ благъ, отвратителя всевозможныхъ несчастій, бога любви, силы и храбрости. Праздникъ начинался раннимъ утромъ, до солнечнаго восхода, выгономъ скота, въ первый разъ на подножный кормъ «на Ярилову росу». Скотъ выгонялся священною палкою, представлявшею изображеніе бога Ярила. Праздникъ состоялъ въ торжественномъ жертвоприношеніи новорожденныхъ животныхъ въ честь Ярила. Обрядъ жертвоприношенія совершался старцами; молодые люди пѣли гимны въ честь Ярила и молитвы, въ которыхъ описывались его подвиги и заключалась просьба о сбереженіи стада и о зарожденіи хлѣбовъ. Старцы совершали заклинанія. На этомъ праздникѣ угощались всѣ, преимущественно же пастухи. Въ этотъ день въ первый разъ воздвигали изображенія бога Ярила: палку съ шаромъ или съ конскою головою и друг. Въ эту ночь и въ этотъ день, въ первый періодъ язычества, боялись нападенія тьмы и холода, въ образѣ волка или чорта, на солнце—Ярила; поэтому разводили огни, символъ Ярила, для отогнанія животныхъ тьмы и холода и нечистыхъ духовъ. Во второй періодъ язычества, огни эти разводили для отогнанія волковъ отъ стада, для предохраненія послѣднихъ отъ первыхъ и отъ колдуновъ и для очищенія отъ болѣзней. Очень можетъ быть, что эти очищающіе огни не разводились отдѣльно, а были только остатками жертвенныхъ огней. Такъ какъ въ Ярилинъ день вся община собиралась въ одно мѣсто, то, поэтому, тутъ же совершались разнаго рода торговля сдѣлки и условія между членами общины. Со времени же принятія христіанства, судьба бога Ярила была такова: его имя, образъ, дѣятельность и празднованіе въ честь его раздвоились и

¹⁾ «Прабал. къ Ж. М. Н. Пр.», 1846 г., кн. 4, отд. II, «Вѣлорусскія повѣрья», стр. 85—88.

распались на двѣ главныя части. Одна часть, менѣ нравственная, осталась собственно за Яриломъ, другая часть, не заключающая въ себѣ ничего предосудительнаго, отнята отъ него и перенесена на св. Георгіи. Соединивши ту и другую части, мы, на сколько позволяли намъ матеріялы, возстановили главныя черты Ярила въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ извѣстенъ въ эпоху язычества.

П. Ефименко.

Холмогоры.

23 апрѣля, 1865 г.